

PRESS комнон

— Александр Глебобич, расскажите, пожалуйста, как вы воспитывались, в каком духе?

— Да вы знаете, я вообще ни в каком духе не воспитывался. Рос я без отца. Да и не могу сказать, чтобы матушка тоже занималась моим воспитанием. В какой-то степени воспитателем своим я считаю (хотя он тоже немного времени, прямо скажем, на это тратил) своего деда Георгия Владимировича Невзорова — человека, который героически дрался с 1946 по 1953 год в Литве против банд так называемых "лесных братьев". И если говорить о духовно-психологическом воспитании, то больше всего своего внес, конечно, дедушка. Никто меня не трогал, был я предоставлен сам себе и рос как трава. В школе я учился плохо, подчеркнуто плохо. Во-первых, потому что мне было по большей части неинтересно происходящее. Я, например, не испытывал никакого интереса к математике, физике, химии. И могу вам сказать совершенно честно, ничего из того, чему меня пытались научить, вот уже, слава Богу, почти 25 лет, мне в жизни ни разу не пригодилось. Так что, значит, я был прав, сознательно не допуская всю ту чушь, которой меня пичкали. То есть это не чушь, если человек решил заниматься математикой, пусть учит математику. Но я-то какое имею к ней отношение?

Ну, ребенком я был сложным. В комсомол меня не принимали. И даже, более того, в шестом классе выгнали из пионеров.

— А вы просились?

— Нет, не просился. Я ведь не скрываю, что я категорически не коммунистических убеждений человек. Почему я сейчас выступаю в союзе с коммунистами во многих ситуациях — во-первых, потому что выяснилось, что они не только не хуже, но и гораздо лучше всей этой сволочи, которая пришла сегодня; во-вторых, я, честно говоря, не очень понимаю, чего же нам всем не хватало. У нас была русская империя, поскольку каждый второй секретарь обкома в любой республике был русский, у нас был русский государственный язык. Называлась эта империя по-другому, называлась она СССР. Слова эти тоже стали дорогими и родными, особенно после того, как они стали мараться и пакаться. Я не знаю, можно ли это называть словом патриотизм, потому что это всего-

нормальный взгляд на вещи. Оказалось, что у меня гораздо больше точек соприкосновения с коммунистами, чем с теми, кто их, скажем так, изгнал из страны и полностью лишил их власти. Они способны были держать русскую империю. И выходит, что воевали мы со всей этой коммунистической машиной за то, чтобы предоставить слово пятидесяти подонкам, чтобы позволить им занять посты и начать грабить так, как коммунистам и не снилось. А о детстве... Что же еще можно сказать о детстве?

— Какие у вас были увлечения?

— Да вы знаете, я где-то лет с четырех начал читать книжки. Это интересно было. Книжки достались мне от деда, который хотя и был большим эмгэбэшным начальником (МГБ — Министерство государственной безопасности), но любил книги и серьезно к ним относился. При этом он совершенно, категорически не был "интеллигентным" человеком, не подходил под определение "интеллигенции". Он, пожалуй, первый человек, который мне к этому термину внушил отвращение. Потом это отвращение во мне усугубил Лев Николаевич Гумилев, великий русский ученый. В общем, здесь, в редакции, это слово является ругательным, поскольку это констатация определенного уродства личности.

Москва, правда - 1993 - 23 янв -
Александр Невзоров - с. 4

АЛЕКСАНДР НЕВЗОРОВ:

ВОСПИТАНИЕ ПАТРИОТИЗМОМ

— Александр Глебобич, в какой области вы академик?

— Академик я в области телевидения. А что, не академик, что ли? Я вообще, честно говоря, не очень разбирался. Меня привезли в Москву, посадили на какой-то ученый совет, заставили говорить речь, выдали какое-то удостоверение, еще чего-то. Ну ладно, говорю, академик так академик. Это, правда, не очень вяжется с моим хулиганским поведением. В принципе я согласен. Это сделано было от чистого сердца.

— Вы можете назвать себя русским националистом?

— Нет. Нет, категорически не могу.

— Где вы видите свое место в случае победы?

— И в том, и в другом случае я вижу свое место вот здесь и нигде больше. Я никогда в жизни не буду министром, даст Бог.

Наверное, как вы сами понимаете, я бы постарался, и положение мое могло бы быть лучше. Я мог бы воспользоваться теми серьезными крупномасштабными связями с правительством и предложениями, которые мне делались. Кстати говоря, приезжал сюда товарищ Кравченко с предложением занять пост председателя комитета по телевидению и радиовещанию здесь в Питере. Я ему сказал, что очень его люблю нежно, но никаких председателей из меня, извините, не получится. Потому что я хулиган и репортер.

— А вы когда-нибудь будете писать мемуары?

— Ну, понимаете, если у меня будет время для писания мемуаров, то я лучше это время займу чем-нибудь другим.

— Недавно издательство "Палей" в серии "Жизнь замечательных россиян" выпустило книжку о вас...

— Это вообще бред. Я был в диком ужасе. Вот типичный вариант, когда человек слышал звон, но не знает, где он. Это нахватанные, маленькие какие-то кусочки полуправд из разных периодов жизни. Я не могу сказать, что я приветственную выход этой книги. Хотя кое-что там более или менее приблизительно правда.

— Судя по количеству информации о вас, вы не очень охотно рассказываете о каких-то своих биографических данных, о своем жизненном пути.

— У меня особенного-то жизненного пути и не было. У меня была довольно скучная жизнь, я бы сказал, и предельно банальная. Был я грузчиком, был я каскадером довольно долго, был я телевизионным сценаристом, был я... то есть есть я репортер. До этого еще где-то работал: в музее Пушкина, работал санитаром в приемном покое больницы... Много было всякого. Лошадей каких-то заезжал в совхозе...

— ?

— Seriously говорю. Ну заездка — это не значит заезжал насмерть. Существует такой термин: заездка диких лошадей под седло. Где-то хранится договор. Голов сорок в одном из совхозов Ленинградской области я заездил под седло диких казахских лошадей породы джабэ.

— Александр Глебобич, у вас есть какие-то неприятные воспоминания в жизни?

— Нет, честно говоря.

— А особо приятные?

— Особо приятными воспоминаниями с прессой бы я делиться не стал.

— А вы не могли бы рассказать о своей первой любви?

— Могу сказать, что это было ужасно. Если вас интересуют подробности, я, конечно, постараюсь их вспомнить, но... Для меня, честно говоря, все эти разговоры "про любовь" не очень понятны. Первых баб я, может быть, могу вспомнить. При большом желании. Хотя, честно говоря, надо будет сильно напрягаться. А что касается первой любви... Я даже в школе в какую-то такую сильно романтическую пору юности считал, что относиться к этому надо просто и здраво.

— А чего вам не хватает на данный момент?

— Монтажной установки "ВЕТАСАМ". Вот этого мне не хватает. Я даже если бы и затеял какой-то государственный переворот, так только чтобы с 4-го этажа телекомпании "Останкино" свистнуть монтажный "ВЕТАСАМ" под шумок, спокойно перешагнув через все и даже через тела.

— А вы боитесь каких-то телесных болей, неудобств? Чувствительны ли вы к холоду, жаре?

— Да нет, вы знаете, я как-то спокоен к этому ко всему. Холодно, жарко — без разницы. А насчет боли... У меня всякое было. Меня вот в Югославии ранили, и тут какой-то кретин в меня стрелял, мальчик один. Еще были всякие неприятные моменты.

— Александр Глебобич, как вы думаете, как вы умрете?

— Я в общем и сам был бы не прочь это знать. Я только знаю одно: как бы я ни умирал, я умру достойно. Вне зависимости от того, что будет причиной смерти: тяжелая болезнь, пуля, веревка, вода, высота...

— Вы не боитесь смерти?

— Ну как сказать. Я не буду разбегаться и изо всех сил биться головой в сейф, чтобы скончаться здесь только по причине собственно большой храбрости. Но вы знаете, я настолько несентиментальный человек, настолько не делающий из этой странной жизни чего-то важного для себя и вообще не гипнотизирующийся этим словом... Люди, с которыми я был в Приднестровье — батальон "Днестр", — совершенно проклинали меня, потому что там много было ситуаций... Проще, наверное, будет охарактеризовать ситуацией, которая была здесь, в Санкт-Петербурге. Мы еще ездили всей бригадой на съемки, как-то подъезжаем — горит автомобиль. И от автомобиля бежит какой-то несчастный мужичонка, который кричит: "Мать вашу!.. Там канистра с бензином, сейчас все взлетит!" Я туда рванул и закричал: "Ребята, сюда! А то взорвется без нас!" Поэтому все зависит от момента, на который можно променять жизнь. И вы, я думаю, тоже не будете долго рассуждать, прежде чем встать перед автоматом, направленным в тех же самых детей в Бендерах. Здесь уже просто, извините, рассуждать неприлично.

Лучше всего, конечно, погибнуть в бою — в бору за Родину, в бою со всей этой сволочью, которая Родину мою сейчас оккупировала. Но есть некое опасения, что удастся и бескровно их выгнать. Так что я боюсь, что эта моя мечта не сбудется.

Евгения МУРАВЛЕВА, Дмитрий ЧУРАКОВ, "Бумбараш".